

84Р6
Д67

СЕРГЕЙ ДОНБАЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ

СМУТА

(Т) 7-31-45.

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

--

Ганс Зонштадт
Алекс и Бернхард
Солнечного зреня
Грунштейн

Гондент / 991
Горюхи

84061
Д.67

СЕРГЕЙ
ДОНБАЙ

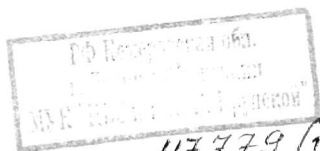
СМУТА

СТИХОТВОРЕНИЯ

Кемеровское
книжное издательство,
1991

ББК 84.Р7
Д67

Донбай С. Л.

Д67 Смута. Стихи.— Кемеровское кн. изд-во, 1991.—
95 с., ил.

ISBN 5—7550—0229—0

Четвертая книга стихов кемеровского поэта. Чуткость — основная особенность таланта автора. Она проявляется и по отношению к приметам стремительного времени, и к слову, позволяет находить в языке новые, неожиданные оттенки смысла. Поэт не упрощает мир, и стихи его требуют от читателя ответной работы, сотворчества. Наконец, чуткость — надежная грань доброты, понимания.

Д 4702010202—31 91
М 145(03)—91

ББК 83.3Р7

ISBN 5—7550—0229—0

© С. Л. Донбай, 1991

РОПОТ

Родные леса отдыхают в мороз.
В них тихо, легко и свободно.
Дубравам, кедровникам, рощам берез
Молчание это угодно.

Мы долго молчали и вместе, и врозь,
Отчаянно и всенародно.
И столько молчания в нас набралось,
Что сделалось крику подобно.

И стали кричать мы, казалось, легко:
Сплотимся! Даем обещанье!
Впервые на свете! Не зря полегло! —
Но крик стал похож на молчанье...

Тогда мы услышали ропот живой
Берез, кедрачей и дубов.
Он был как единственный сторожевой
Родных пепелищ и гробов.

И стали роптать мы, и ропщем, но суть
За прошлым стоит косогором...
Откуда и где нам теперь почерпнуть,
Чтоб ропоту стать разговором?

Не там ли, где лес отдыхает в мороз,
И незачем лишнее слово,
Где столько страданья вокруг собралось,
Что речью быть нашей готово?

ОСЕНЬ

Расчетливо бил сучковатый кулак,
Никто увернуться не смог.
И бросился ели зеленый синяк
В рябиновый кровоподтек!

И воздух наполнился астмой машин
И красными астрами щек!
Так зримо на всем проступала мишень,
Догадка и полунамек.

Автобус домой с урожаем тащил
Авоськи крестьян городских,
Являлся в их лицах сквозь толщу морщин —
Набег завершающий скиф.

Вокруг обнимались печаль и азарт,
Прилив озирался в отлив.
Так, слушая музыку, точно назвать
Не можешь знакомый мотив.

Бросался в глаза самодельный базар
Рублевым снежком хризантем!
И кто-то, в супругу влюбленный, брюзжал
На несовершенство систем.

1988

* * *

Кому — обман и несвобода.
Но, отвергая эту чушь,
Тебе подскажут с небосвода
Свободную повадку чувств.

Все из тебя торчит ушасто!
И замечаешь ты с лихвой,
Что начинают заражаться
Другие весело тобой.

Не обольщайся так поспешно.
В тебе начало всех начал.
Они — излечатся, конечно.
Ведь небосвод для них молчал...

Тебя осудят, как уroda,
И заклеят в тебе врага!
Осознанная несвобода
Для них все так же дорога.

1988

КВАДРАТНЫЕ ШАРЫ

Те же правила игры,
Но квадратные шары.
Если мысль какая гложет,
На квадрат ума помножит,
Выведет земную жаль
И не скроешься в печаль.

Раздирает бытие
Тело прежнее твоё:
От макушки до мизинца.
И квадратная слезинка
Уголками режет глаз
Деловито, как алмаз.

Не вмещает знаний тело,
Значит, тело пустим в дело.
И с квадратным животом
Женщина идет в роддом.
Ей приносит виноград
Муж — трезвее, чем квадрат.

Тело знаний не вмещает —
Зло как будто вымещает.
И живут они, увы,
Вне квадратной головы.

1988

НАИВНАЯ ЭКОЛОГИЯ

Как живыми нитями,
Все связалось где-то.
Химзаводик вдалеке
Едкий дым не прячет.
Прибыла вода в реке
Посредине лета —
Это мы обидели,
Это рыба плачет...

1988

* * *

Ничего надежней в жизни
Наших мыслей нет!
Шестеренки и пружинки
Трудятся в ответ.

Даже вид прекрасной дюны
И сосны над ней —
Результат подземной думы
Сумрачных корней.

Если греет печь не слишком
Посреди зимы,
Мы претензии к дровишкам
Предъявлять должны...

Но живут совсем отдельно,
Мысль сводя на нет,
Чувство, случай, совпадение
И вот этот бред:

Если плохо греет печка
Посреди зимы,
Взяться мы, два человечка,
За руки должны.

За окном летят снежинки,
Образуя свет.
Ничего прекрасней жизни
В нашей жизни нет!

1988

ПРОВИНЦИАЛ, ЕЗЖАЙ В МОСКВУ!

Провинциал, езжай в Москву!
Но только ненадолго.
Чтоб не истратились в мозгу
Черты родного дома.

Тебя, как новое ведро
В колодец населенье,—
Опустят с грохотом в метро:
Ну, черпай впечатленья!

В Кремле царей воображай
И разные эпохи,
Царь-пушку в мыслях заряжай —
Срабстала б неплохо!

Небось простит тебя сама
За каламбур угрюмый,
Что можно «выйти из ума»
До выхода из ГУМа.

Провинциал, езжай в Москву!
Туда тебя не звали —
Поспи на мраморном полу
На Киевском вокзале.

Зато воскреснешь ты душой
И станешь чище, лучше,
Когда увидишь наш Большой —
Гордись — театр снаружи.

Цени, тебе же, дураку,
Даровано бесплатно
Налюбоваться на Москву
И на детей Арбата.

Езжай, никто тебя не съест!
Там всем хватает места.
Приезд отметишь и отъезд —
Окупится поездка.

1988

ЭСТРАДНОЕ

То пятна на солнце,
То чья-то на Марсе акция...
А тут еще вот
На земле задурили красотки:
То мини, то макси,
То вовсе эмансипация:
Бабули обули,
И внучки обули кроссовки,

Мужская погода.
И в майке татуированной,
В штанах-парашютах,
Футбольного века супруга,
Идешь хорошо ты,
Как мальчик натренированный.
Настала мужская погода —
Закурим, подруга!

Даешь, дискотека,
В мозгах метастазы музыки!
И стадо эстрады
Устами жует фонограмму...
А в царских одеждах
И в камушках царских кумушки
Народные песни поют
И не чувствуют сраму...

Мы — сверхсовременные
Роботы аэробики!
Душа устарела,
Как бабушкин с дедушкой домик...
Возделаем тело
По голым законам логики,
Чтоб кубики Рубика
Сдвинули публике лобик!

Мы мускулы рек
Превратили в электромускулы!..
Уже и АЭС,
Словно бес, обживает эстрада:
«Тяжелым металлом»
Бряцает экранный уникам,
На краешке века,
В периоде полураспада.

1988

СЛУЧАЙ НА ПЬЕДЕСТАЛЕ

Однажды модного поэта
На пьедестал он посадил
Тем, что пародию родил.
И сам залез туда за это...

Потом пародии рожал
На пьедестале круглый год.
И стал работать пьедестал,
Как непрерывный эшафот.

1986

* * *

Если увеличить дерево,
То дом, стоящий рядом,
Станет меньше.

Если увеличить дом,
То в нем будет жить
Больше людей.

Если увеличить муху,
То, как известно,
Может получиться слон.

Если увеличить зарплату,
То от претендентов
Не будет отбоя.

Если увеличить смех,
То может получиться
Гром.

Если кому-то захочется
Увеличить это стихотворение,
То это сделать проще пареной репы...

Но если попытаться увеличить мысль,
То ничего из этого не получится!

1982

ЛИЦЕДЕЙ

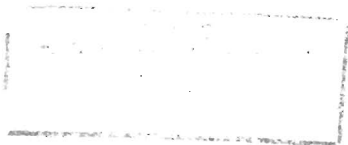
Вот опять лицедей с голубого экрана
Пару мыслей расхожих рождает
И для этого жестом пространно
Перегрузки ума отражает.

47479
До чего теледверь открывается просто.
И недавно героя сыгравший
Лицедей, не скрывая геройства,
Разглагольствует в комнате нашей.

Генотип в киютитре ученый отметит,
Перешло по наследству притворство:
Это вот — лицедеевы дети,
Это — родичей ихних потомство...

Только проку-то что в словесах для отчизны?
В семенах, отлетевших, не ставших
Золотым продолжением жизни, —
Не на землю — на сцену упавших.

1987

ФАНТАЗИЯ

Ночь сползла с земли однажды,
Словно древние одежды —
Как рубаха или куртка.
И обнажилось загорелое плечо утра!

Как младенец,
Синь небес
Сосал технический прогресс.

Роботы,
Пасшиеся на лужайке,
Подзаряжали подсевшие батарейки.

Дед подсел.
Так, мол, и так-то...
Старый совсем,
Помнит еще трактор.

Выражается старомодно
И симпатично:
Рабья морда...
Перестройка... самолично...

Мол, не в музее на стенде,
А на гвозде на стенке
Шапка по Сеньке.

В конце концов
Из воздуха
Выглянуло лицо
Без возраста.

Дед уставился
Обалдело —
Когда проявится
Тело?

И, вы-ма-те-рясь,
Спросил, интересуясь:
«Что чувствуете Вы,
Материализуясь?»

Кстати, Вас нету,
По учению Маркса...»

Ничего не ответила
Биомасса,
Как машину на реке,
Вымыв разум в старике...

И послала его
В сосновом ящике
Из будущего
В настоящее.

Выглянь: за окном
Первый снег стоит,
Словно колокольный звон.
В нем идет старик.

И опавшая рябина
Воздух веткой
В кровь разбила.

Но возмущенье с колоколен
Не выразят колокола,
Не достучаться звонаря —
Он болен.

БАЛЛАДА ОБ УХОДЯЩЕМ

Не забыть бы,
Не забыть бы
Разогнавшемуся веку
(Хорошо бежит железо
Со спидометром в руке!),
Словно для рукопожатия
Протянутую ветку,
Неподвижно отраженную
В стремительной реке.

Не забыть бы,
Не забыть бы,
Уходя, тысячелетью
Горные вершины мысли
В терпеливых недрах книг.
Перепуганное небо
Перед огненной плетью...
И распахнутый на небе
Журавлиный воротник!

Не забыть бы,
Не забыть бы...
Детства ключик в чаще леса,
Отчее плечо Сибири,
Богатырский Спасский шлем,
Вознесение ракеты...

И ученое железо
Скажет через ЭВМ:
— Было бы — «кому повем»...

* * *

Кто же нам разменял незаметно
Совершенство любви — на рубли?
Нет — просторного ворота ветра.
Нет — простой босоногой земли.
Нету силы достичь совершенства
И у жизни себя не отнять.
И не жду, что объявят блаженство —
Крепость духа на пушку не взять!
Даже слаженной мощью БелАЗа
Крепость духа — не взять на ура!
Хоть дрожит у дороги береза —
Совершенства родная сестра.

1987

* * *

Выращивал обиду, словно розу.
И думал: только уколю —
И, как сорняк, обиду прополю,
Не поддаваясь злобному гипнозу.

И потому не торопил победу.
Увлёкся и завёл цветник,
Душой и кошельком к нему приник,
Так и забыл бы про свою обиду...

Но позу тайно изменила роза.
И сразу бросилось в глаза —
Она обыкновенная лоза.
Мысль извернулась, и созрела розга!

Что ж не спешил справлять свою победу?
Опять увлекся — в магазин
Носил сбывать поделки из лозин,
Так и забыл бы про свою обиду...

Но люди неосознанно несносны —
Природа голосует «за» —
Сосною станет хлесткая лоза!
И гробовой доскою станут сосны!

1989

ПОХОРОНЫ

Под звуки траурного марша
Все сразу выпало из рук.
Услышался, усилен страшно,
Стук — собственного сердца стук?

Осенняя склонилась маска
Над нашим стихнувшим двором.
Сосед спокойно рубит мясо,
Марш рассекая топором.

Газету на бордюрный камень
Он аккуратно подложил,
Подробно возится с кусками —
Суставы, мякоть, связки жил.

Два табурета. Вынос тела.
Обитый трауром торец.
Сосед не прерывает дела.
Он трудится. Живой мертвец.

1989

* * *

Кто же поле под небо бросил?
Ой, как пусто! Кому рассказать?
Словно не было города вовсе:
Нет киоска «Союзпечать»,
Толчеи голубей по карнизу
У плаката «Вперед к коммунизму!»
Нет воздушной тропинки троллей
Над забытой походкой твоей...
Я по чистому полю шагаю.
По траве. Я люблю траву!
И мучительно вспоминаю —
Без чего же я не проживу?!

1970

ОТКРЫТИЕ

И вдруг поймешь, что ты дурак,
Так удивительно доверчиво,
Хотя никто еще до этого
Не намекал на этот факт
Тебе. Подумать только — дожил!
И станет даже как-то весело
Идти сквозь полосатый дождик,
И в магазине просто так
Вдруг очутиться напоследок,
Осведомиться: «Кто последний?» —
И долго-долго, как дурак,
Стоять у выпуклых витрин,
Покуда девушка-кассирша
Вдруг на тебя не ополчится:
«Товарищ, вы же не один!..»

1970

ХРОМЫЕ СРАВНЕНИЯ

Островок — частица суши,
Окруженная водой.
А любовь — частица дружбы,
Окруженная враждой.

Но хромает, как известно,
Всякое сравнение.
Совершенство неуместно
До поры до времени.

Даже если обезножишь,
Ходишь, хоть не повезло...
В небесах хромать не сможешь
Даже на одно крыло.

Островок — частица суши,
Что дошла до аскетизма.
Берегите ваши души
В окруженьс атсизма.

1988

* * *

Космос —
Это родина творчества:
Там слышно, как
Звезда с звездой говорит,
И прохожий
Вдруг посмотрит на тебя,
Как шестикрылый серафим.

1982

СТРОЧКА ИЗ БИБЛИИ

Словно стол, сколоченный прочно,
Словно хлеба дышит ноздря,
Повторялась в Библии строчка —
И сказал Господь, говоря...

Время те же носит одежды,
У него в ходу примитив,
Помоги — себе же, себе же! —
И прости другого, прости.

Та же плоть стонала у предков.
Побеждали, в трубы трубя,
Несвободу плотских упреков
И любили люди, любя.

Время те же носит одежды,
Снять нельзя с него пелену.
Да поможем сами себе же
И помянем всех, помянув.

Землю вдоволь храмами холмя
И могилы не бороня,
Жили люди русские, помня,
И хранили душу, храня.

Мы читаем Библию реже,
Краткий опус благодаря,
Словно в ней не нам, а себе же
И сказал Господь, говоря...

* * *

Памяти тополя

Птица в воздухе ночует
Там, где дерево росло.
Пустоту ночную чувствует,
Но не верит ей крыло.

Натекает, натекает —
Ночь за ночью, день за днем.
Как душа, не отдыхает
Птица в воздухе моем.

И, привычная трудиться,
В бесполезности кружа,
От усталости, как птица,
Камнем падает душа.

:935

ВИДЕНИЕ В МУЗЕЕ

Заглянул в глубину нашу,
Заскучавшую о нас.
Там, как будто неся ношу,
Полустертый глядел Спас.
Глубоко потемнел лак...
Наклонясь, посмотрел в лик
И увидел в его глазу
Я лицо свое, как слезу...

Не поверил своим глазам —
Отраженье мое, что ли?
Но поверил своим ушам:
«Проходите, чего встали!»

1987

СМУТА

Нам это чувство — наизусть,
Как радость пополам с тоской.
Так забываюсь и томлюсь
Порой над блоковской строкой...

Но кто диктует нам урок
Родной истории с листа:
То снять с кого-нибудь венок,
То снять кого-нибудь с креста?

1986

ИСТОРИЯ

«Давай умрем!» — она сказала,
И он от счастья промычал...
Им слов обычных не хватало,
Как времени, по тем ночам.

Под звук «Интернационала»
Кто совесть, кто родных терял...
«Давай умрем!» — она сказала,
И он согласно промолчал.

У тройки фактов было мало,
Но «за подрыв» — был криминал:
«Давай умрем», — она сказала,
И он согласно промолчал.

Держава строила, стонала,
Никто людей не замечал.
«Давай умрем...» — она писала,
«Он умер», — адрес отвечал...

Она рубахи гладит сыну
И длинно думает: как знать,
Найдет ли он свою причину
Любовью верной умирать?

1988

ПОСТУПОК

Жег рукопись поэт на пустыре.
И печальным поступком он боролся
С отчаяньем. И палочкой в костре
Хозяйничал. И рыжая бородка
Дрожала... И когда совсем страница
Сгорала, превращаясь в негатив,
Играло в нем живое любопытство —
Он счастлив был, строку определив!..
Когда ж он бросил в ночь костра сигарку
И повернулся, чтоб идти назад,
И ухмыльнулся, прошептав цитату
О том, что рукописи не горят,
Увидел он — да что за чертовщина! —
Там, вдалеке, совсем другой пожар.
И тяжело пожарная машина
Туда неслась, сиреною дыша.
И стала ночь помощницей огня,
Она его, как дерево, растила.
И началась воздушная возня —
Освободилась дьявольская сила!
И под ногами громко-громко гравий,
Выдавливая ненависти гной,
Кричал слова, одно другого бранней,
Пока поэт шел, освещенный тьмой.

1988

* * *

Сухие грозы, мнимые дожди,
Горит земля, и в горле пересохло.
Так непомерно набралось вражды,
Что тесно жить от выдоха до вздоха.
И ненавистью воздух заражен.
И помыслы враждуют насмерть с речью.
И взгляд огнем холодным подожден —
Не согревает душу человеческую.
Едва заметны дружбы миражи,
Улыбки, прикрывающие ярость...
Объявлен комендантский час вражды!
В том часе —
поколение затерялось.

1987

АНГЕЛ-ХОРОНИТЕЛЬ

Застегнув себя в гранитный китель,
Проверяя строй,
Пролетает ангел-хоронитель
Над людской стерней.

Поколение поднятых на вилах
Неживых идей,
Погребенных заживо в могилах
Стадных лагерей...

Поколение павших смертью храбрых
В недрах КГБ,
Сгинувших навек в войсках охранных,
Сгнивших на губе...

Поколение без вести пропавших,
Высших мер,
Маршей и парашами пропахших
Вшивых нар...

Налетался ангел-хоронитель
Над живой страной
И оставил свой гранитный китель
Под святой стеной.

1988

* * *

Россия — не жена, не мать!
И хватит слезы выжимать
Из глаз ее.

И рукавами вытирать.
И на груди рубаху рвать!
И «малой родиной» латать
Могущество ее.

Как будто бы, ни дать ни взять,
Мы в жизнь пришли, чтоб подсчитать
Свои обиды на нее.

1989

НА ПРОЧТЕНИЕ «ИСТОРИИ
ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО»

Свою работу сбора ягод
Уподобляет Карамзин.
И русский слог ему не в тягость,
Как вес лукошек и корзин.

Все носит сам легко и просто,
Заполнив праздник и досуг.
Великосветского холопства
Не прибегает он услуг.

1990

ТОТ, КТО БЫЛ НЕПОГРЕШИМ

Тот, кто был непогрешим
И не признавал сомнений.
Из героев песнопений
В бранный перешел режим.

Тот, кто был непогрешим,
Подлежит теперь забвенью...
Но, объята светотенью,
Солнцу все принадлежим.

Затоптать в себе раба —
Это только половина.
Ну, а если господина
Затоптать в себе судьба?

Жив, кто был непогрешим,
Ослеплен своим значеньем!..
Казнь признания презреньем
Все никак не совершим.

Затоптать в себе раба
Не торопится толпа.

1987

РЫЧАГ

История не повторяется.
Она случается на днях,
Как нескончаемое таинство,
Не уличимое в речах.

Давайте повторить попробуем,
Ведь для прогресса — дважды два,
Ан, под истории покровами
Неповторима Покрова!

Туда Икар глазами карими,
Страдая завистью, глядит,
Где первый драндулет Гагарина
В истории Земли летит.

Как пальцами Прокруст похрустывал,
Вошел в историю, злодей.
Но страшная кровать Прокрустова —
Кроватка лишь для новых дней...

История не повторяется
В деталях... Но в людских речах,
Как многоопытное таинство,
Сравненья действует рычаг!

1988

* * *

От провинциальной тоски и безумий
Вдруг вспомню, вселяясь в районный «хотел».
Как пахнет в квартире у мамы глазуньей.
Нигде я такую глазунью не ел!

Да что там, досада меня целовала
В Софии, и в Праге, и где там, бог весть...
Но, словно отдушка для провинциала,
Лазейка — глазунья пока еще есть...

Пропеллером время свело сковородку,
Белок пузырями пошел по краям.
А эта подставка в косую решетку
Досталась в наследство от бабушки нам.

1990

ПУТЬ

Природа свободна в сравнении с нами:
Бесстрастно ромашка цветет на лугу,
Не шутит, не злится слепое цунами,
Не мерзнет зеленая елка в снегу.

Я спорю с отцом, горячусь с сыновьями,
Пред ним и пред ними за это в долгу.
Уже ненавижу себя временами!
Еще по-другому никак не могу.

1987

СУДЬБА

На крылышках бабочек
Пыльцою судьбы
Начертаны симметричные письмена.

На тучных боках коров
Рукою судьбы
Размещена передвижная выставка
абстрактных картин.

Ребенок
В первый миг своего рождения
Заплакал, не открывая глаз:
Может быть, что-то увидел
Глазами судьбы?

1987

ЛЕСНОЕ ЛЕТО

За лето на даче
Мы так одичали:
По солнцу ложились,
По птицам вставали.

И ноздри дразнило
Зеленым озоном
Сосновое утро
В окне растворенном!

И, словно лукошко,
Был с горкой наполнен
Отборной клубникой
Березовый полдень.

И чуть горьковатый
Рябиновый вечер,
Намаявшись за день,
Клевал на крылечке.

И сны собирала
Кедровая полночь:
Спешила тропинка
Кому-то на помощь,

Смеялись веснушки,
Носы облезали,
И в речку с разбега
Обрывы ныряли...

А тот, кто все лето
Дружил с гамаком,
Как будто был пойман
Лесным пауком!

1977

ОТЕЦ

Сын из летней свободы попал,
В новых шортах — на «скорую» прямо.
Врач диагноз ему написал
По-военному: «Рваная рана...»

Были быстро наложены швы,
Страх прошел... И душа повинилась:
«Зря на речку, сынок, не пошли —
Ничего бы с тобой не случилось».

1987

ОЧКИ

Спит отец... Сняв очки,
Не знакомым стал мне.
Как ребенок почти,
Улыбнулся во сне.

Будто видит он сон:
Удивляюсь, Сереж,
Ты чего это, сын,
Меня не узнаешь?

Ты чего это, сын,
И очки нацепил,
Словно старый совсем,
Ты ж очков не носил?..

Говорю, мол, читать
Прописали врачи...
Улыбнулся опять,
Как ребенок почти.

Будто слышит меня,
Будто видит до дна —
Среди белого дня,
Из глубокого сна.

Говорит, мол, откинь
Все сомненья... Зачем,
Что ты хмуришься, сын,
Словно старый совсем?

Хмурюсь, силюсь понять —
Это явь или сон?
Как ребенок, опять
Улыбается он.

ЛУННАЯ НОЧЬ

Приступ луны,
Волеизлияние лунного света:
В человеке морской прилив сил.
И здравый смысл,
Кутаясь в остатки темных углов,
Не может ничего объяснить...
А надо просто выйти на кухню
И покурить,
Или прогуляться по карнизам
Нашей двенадцатипэтажки —
Только бы в это время
Не окликнул здравый смысл,
Кутаясь в халатик жены...

1987

НЕПРОТИВЛЕНИЕ

Ну что же, оставим тщету.
И жизни, какая уж есть,
Подставим другую щеку,
Чтоб полный порядок навел.

Руки не жалея, дерись,
Пусть сыплются искры во тьме,
На то ты — любимая жизнь,
Срывай неудачи на мне!

Любые другие назначь,
Пусть бьют они даже ключом,
Я был и остался рифмач —
Что взять-то — рифмач-рифмачом!

1987

ПИСЬМО

Увидел: страданье на юном лице
Написано тонкою кистью.
Мелькнуло в едва приоткрытом ларце
Судьбы — за веснушкой, за мыслью.

Душа проступает, сражаясь, родясь.
Летят треугольники с фронта!
Исправлена эпистолярная связь
В тончайшем письме генофонда.

Летят, долетают и с той Мировой,
И письма из Мертвого дома,
Чтоб молодость лик дописала бы свой,
Рукою страданья ведома.

1989

* * *

Осьмушка осеннего неба.
И женщина в робе судеб
Проносит охапкой, нелепо
Два бублика, сайку и хлеб.

Казалось — все это на нерве!
Поправить бы прядку волос.
В полиэтиленовом нэпе
Мешка для нее не нашлось!

Но, в нимбе осеннего неба
И городом окружена,
Мадонной с охапкою хлеба
Предстала мне чья-то жена.

1989

НЕЖНОСТЬ

Когда-то мы с другом любили
Вместе смотреть на звезды
Далекие-далекие.
Когда-то мы с другом любили
Одну и ту же девушку
Безнадёжно...
Когда-то мы с другом любили
Пластинку с названием
«Нежность».

Даже вчерашний день
Сравним с расстояньем до звезд,
На которые мы любили смотреть.
Теперь друг мой живет в Москве,
А я остался в Сибири.
Невозможно дружить в письмах
Со своей юностью!
Но нежность остается.

Спокойно прохожу мимо дома,
В котором жила наша девушка.
Но с нежностью думаю о ней,
И, может быть, поэтому
Продолжаю писать стихи.

С нежностью смотрю на звезды.

1980

ЖЕНСКИХ ГЛАЗ ПРОХОДЯЩЕМУ СВЕТУ

Вечность жизни моей, не лети.
Дай почувствовать краткую, эту.
Женских глаз проходящему свету
Дай мне долгое имя найти!

Пусть случайно его прошепчу
И своим для других не отмечу.
Как от ветра ладонью свечу,
Заслону мимолетную встречу.

Навсегда ненаглядный привет.
Беззащитно живет он на свете —
В снежной варежке летний букетик,
У которого имени нет.

Вечность жизни моей, не лети!
Дай почувствовать краткую, эту.
Чтобы долгое имя найти
Женских глаз проходящему свету.

1987

БАЛЛАДА О ВЕСЕННЕЙ ПРОСТУДЕ

В. Сычеву

Иду по проспекту простуды твоей,
Вхожу в твою комнату —
На свет розовеют пальцы,
Глаза, огромные от слез.

Настороженно и внимательно
Ты вдруг относишься к себе,
Меланхоличная, как рыба
В дистиллированной воде.

А ночью, метеором падая,
Чтоб исповедаться тебе,
Колени Гамлет преклоняет,
Совсем седой.

И днем светла ночная мудрость!
Твой бред грозит
Захватываньем духа для меня,
И сердце ближе...

Опущены желтые жалюзи,
За ними причины простуды —
Деревья, сосульки и небо,
Растаявшее от звезд.

Отныне микстуры мутные,
Отсутствие аппетита,
Простынный сугроб простуды —
Тебя окружают.

А я от заморозков только,
От луж трещащих!
И это моей болезни бальзамы.
И противопоказано — к тебе.

Итак, мы по-разному молоды!
Не выздороветь вдруг...
Я вышел. Поправил шарф.
Как много мятежного воздуха!

Навстречу такси свободные —
Зеленый огонь.
И кучер, совсем допотопный,
Целует, целует воздух!

1965

ВОСПОМИНАНИЕ О НАУЧНОМ КОММУНИЗМЕ

Славные ночки летели над нами!
Каждую ночку я помню на память.
Гаснул фонарь во дворе института,
Губы твои опухали под утро,
Ты мне шептала, пугаясь объятья:
Как же теперь я пойду на занятия?
Все ведь увидят и всё ведь поймут...
Но не считала прощальных минут:
Ладно, еще хоть чуть-чуть постоим —
На коммунизме научном доспим...
Не было лучше для нас дисциплин!

1988

ВОСПОМИНАНИЕ О НАУЧНОМ КОММУНИЗМЕ

Славные ночки летели над нами!
Каждую ночку я помню на память.
Гаснул фонарь во дворе института,
Губы твои опухали под утро,
Ты мне шептала, пугаясь объятья:
Как же теперь я пойду на занятия?
Все ведь увидят и всё ведь поймут...
Но не считала прощальных минут:
Ладно, еще хоть чуть-чуть постоим —
На коммунизме научном доспим...
Не было лучше для нас дисциплин!

1988

ВОСПОМИНАНИЕ О ЖАРЕНОЙ КАРТОШКЕ

Студенты, лекциями сытые,
Считают дни перед стипендией.
И, собираясь вечерами в складчину,
Картошку жарят в общежитии.

Обрезанная перочинным ножичком,
Похожа кожа на интеграл,
И улыбаются на «удовлетворительно»
В руках у Марченко картофельные мордочки,
А в сковородке по законам физики
Подпрыгивает яро маргарин!

О сытный аромат поджаренной картошки!
Все в коридор повылезли вдыхать,
Когда Чемеркин Женька сковородку —
Чугунную, с почетом, сковородку —
Из кухни в нашу комнату несет.

Подвержены конспекты остракизму,
Валерка крупно нарезает хлеб,
Как будто невзначай, зашли девчонки,
И ложками и покалеченными вилками
Уже вооружились едоки.

И скажет Лев: «Прекрасная закуска!»
«Ах, мальчики, не надо намекать!» —
Ему ответит Нелочка Закусина,
Румяную поджарку подцепив...

1986

* * *

Ей кажется: она живет надеждой дальней,
Но эта даль всегда была близка.
Окончить институт — предел мечтаний,
Как довязать для сына полноска.

Ей кажется: она живет так быстро-быстро!
Но как она замедленно жила.
На первом — выскочила за туриста,
На третьем курсе скорость — развела...

Ей кажется: она живет легко, певуче,
Но все трудней обманываться ей...
Наверно, общим списком будет лучше
Забыть не состоявшихся мужей.

Ей кажется: еще романтикой искрится
Вино в бокале, луч на серебре!..
И против света в праздники садится,
И скорь друзей не видит по себе.

1988

ВОСПОМИНАНИЕ О КИНОТЕАТРЕ «МОСКВА»

Б. Бежко

На елку ходили в «Москву»;
Крем-содой буфет торговал;
Был в моде у зрителей ватник во всю;
Шутили: «В Москве побывал!»

Раскрыто экрана окно.
Влетает история в сны:
Как видеоэхо немого кино,
Контуженый кадр войны...

В луче, устремленном на лист,
Пылинки дыханий дрожат,
И тьмою покрыты черты наших лиц,
Под братским экраном лежат.

Здесь юные мать и отец,
Придя на вечерний сеанс,
Случайно, когда-то, давно, наконец,
Увиделись... к счастью для нас!

Здесь генералиссимус наш
В граните и в гипсе вставал,
И трубку с экрана раскуривал... аж,
Казалось, в гостях побывал.

А мы сговорились вдвоем
На утренний первый сеанс.
И первую общей слезою ревом —
Ты видишь ли, Родина, нас?

1987

* * *

Есть картины художников,
Как пейзажи,
За окном
Беспристрастно летящего времени,
Которое чуть заворачивается
По доступным взгляду краям
Прошлого и будущего.

Есть художники,
Картины которых,
Как виды из окна
Поезда нашего воображения.
Поезда,
Несущегося во много раз быстрее,
Чем время.

Вот почему
Этих художников
Вечно не могут понять
Беспристрастные пассажиры
Одного только времени.

1980

* * *

Всех мирит возраст мой нетрудно,
Всему старается помочь,
Как тьму и свет смиряет утро,
Как вечер мирит день и ночь.

Все может юноша зеленый!
Легко в себе его найду.
От взгляда девушки влюбленной
В кого-то... свой не отведу.

Все знает старичок бредущий.
Куда? — не ведомо куда.
И я, замедлив шаг бегущий,
Приноровлюсь, и мне туда.

Приходит возраст, как садовник,
И завязь розовых идей,
И мудрости сухой шиповник —
Ему одна другой родней.

1988

СТАРИК И МЫСЛЬ

А старик забирается мыслью
Так свободно и так высоко,
Что я съеживаюсь невольно,
Из него посмотрев на себя.
Нет, не то чтобы свысока
Смотрит мысль,
Но сильно обобщенье:
То зрачки, расширяясь в орбитах,
Достигают размеров звезды!
То сжимаясь дорожной пылинкой,
Без боязни на солнце глядят!
Нет, нисколько не унижая,
Дружно смотрят старик и мысль
С высоты, исключаящей начисто
Желчный старческий дидактизм...
Это зренье созревшего поля —
Мы лишь зернами входим в него.
И невольно, до сладостной боли,
Что-то съеживается в груди
От предчувствия раннего, что ли,—
Возраст поля еще впереди.

1978

МОСТ

Какие с нами дни случились!
Потом припомним, как мечту,
О том, как в Праге заблудились
И вышли к Карлову мосту.

Упали в воду слева, справа
Скульптуры, башенки, века...
И, кажется, под ним не Влтава,
А времени течет река.

Лишь загляни за ограждение —
И рядом со святым отцом
В толпе эпохи Возрожденья
Заметишь и свое лицо.

1986

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ЭЛЛАДЕ

1

Устало убегая от воды,
Он так мечтал свалиться на земле.
Тот человек очнулся у воды,
Бессилием придавленный к земле.
Да, повезло ему лишь одному
Из всех, кто плыл до милой Родины,
Спастись, но и остаться одному —
Без имени, без прошлого, без Родины!..
Он все забыл — так захотело небо.
И возвратилось зрение к нему:
Склонялись люди, заслоняя небо,
И люди были ласковы к нему;
И про недуг, назначенный пловцу,
Они решили хором — одолеем!
Так, прошлое присочинив пловцу,
Гомер назвал беднягу Одиссеем.

Юноши Афин пребывали в скуке,
Ласки нареченных надоели им.
Грезились ночами дорогие стуки
Боевых мечей юношам Афин.

Юноши Афин воздевали руки,
Двигали руками — злились на Олимп!
Чтобы по законам боевой науки
Дал врагов достойных юношам Афин.

Девушки Афин от любви не млели.
Снова начинались песни у олив —
В них краснели раны и мечи теплели
Женихов достойных девушек Афин!

Девушки Афин, позабыв пределы,
Гордыми словами злились на богинь!
Молча олимпийцы дерзости терпели...
И всю ночь молились матери Афин.

1967

* * *

В солнечном океане
Плавает наша планета.

Икринка,
Разумная капля,
Соринка живой души!

На каплю похожая пуля,
Летающая в человечество?

Соринка погасшей звезды,
Которую мы разглядываем,
Догадываясь не догадываясь,
Что это и есть
Свет нашей жизни?

1988

МУЗЕЙ

Не трогая, как экспонат,
Обиды больше не болят...

И в мраморные мемуары
Ушли былые тары-бары...

Не отзовутся имена,
Как древней жизни письмена...

И пыль мизинец соберет,
Когда по памяти скользнет...

1986

* * *

В. Чуйкову

Как душу отвести в народных
Протяжных песнях любо нам,
Вот так же изредка на отдых
Я душу отвожу к друзьям.

Чего особенного вроде:
Под телевизор и чашку,
Под разговоры о погоде
Согреем зимний вечерок.

Душа оглянется — а помнишь,
Как не хотелось уходить?..
И наберется так всего лишь
За год — неделька, может быть.

1986

* * *

В. Зубареву

Друг мой родился во мне.
Стал на глаза его зорче,
Стал говорить я короче,
Слушаю дольше вдвойне.

Даже намек оттолкну,
Он мне ничем не обязан.
Больше я к жизни привязан
Стал на улыбку одну.

Друг ли мой перелистал
Древнюю, древнюю книгу —
Больше привязан я к мигу
На тыщелетие стал.

И не рукой, а вокруг
Слышать я стал наконец-то
Слева бегущего сердца
Раньше не слышимый стук.

1986

* * *

В. Бородкину

В глубоком зените колодца
Плетет паутину куржак.
Мы — дети холодного солнца:
Полгода сугробы лежат.
Несем, словно платим налог,
Мороза терновый венок...

Приходят, как белые, ночи,
Цветут — ленинградских короче,
Ломают соломинку льда
Черемуховые холода.
И лето почуявший школьник
Как в галстукe красном шиповник!

Ребенок холодного света,
За месяц согрелся земляк.
Но дышит короткое лето
Колодцу в озябший кулак.

1986

* * *

Лето учит изда́лка
Легкую наметить связь.
Жесткой каплей кровохлебка
Над травую запеклась.

Вздвогнет веточка летяги,
Словно мысль, на ветерке.
И слеза древесной чаги
У березы на щеке.

Косогор дожда грибно́го
С шумом в небыль перейдет.
Но молчанья родового
Над кладбищем не прервет.

1988

* * *

Есть у лесов старинные напевы.
Да, всем лесам из уст в уста
Поведали зеленый эпос
Отзеленевшие прапралеса.
Мои ровесники леса
Включают только звукозапись
И, шевеля ребячьими корнями,
Их слушает внимательная завязь.
Они поют, когда дожди
Аплодисментами прольют!
И человек раскусывает яблоко —
И на зубах они поют.
И не в обиде старая береза
Допеть, разогревая чайник...
Вы слышали?
А я не мог заснуть —
Сегодня ночью тополя кричали!

1968

* * *

Поэт
Думает и чувствует
В ритме будущего стихотворения.

Дворник —
В ритме утренней метлы
И осенних листьев,
Или большой деревянной лопаты
И свежавыпавшего снега.

Ребенок —
В ритме материнской любви
И новой игрушки.

Влюбленные —
В ритме одного и того же,
Одного и того же,
Одного и того же
Желания.

Но поэт
Может быть сразу
И матерью, и ребенком,
И влюбленным дворником.

1980

ЧУР

От неясного звука, которого ждешь и боишься
И который тебя все равно застигает врасплох,
Этой ночью ты снова на детство и явь раздвоишься.
Страх, как листик гербария, в нас он притих
и присох.

Лунный оттиск окна на стене оживает отчасти,
И оттуда грозит крючковатая клена рука...
И лицо твое, кажется, щупают страсти-мордасти...
Полированный шкаф улыбается исподтишка...

Что-то нас обступает, и зренье, и мысль притесняя,
Но внимает душа, замирая, как встарь, из-под шкур.
Это древности детство, славянская дрема лесная,
Это пращурской ночи прищур, это — чур меня, чур!

1988

* * *

Не спрашивай меня,
Где нам предел положен.
Я сам день изо дня
Об этом думал тоже.

Не бойся, но страшись!..
Есть разница в словах.
Страх продлевает жизнь,
А трусость терпит крах.

Не думай, что герой
Смелее забывки...
Другиня, друг, другой —
Совсем не просто буквы!

И погруженный в сон
Гордыни до сих пор,
Не спорь, не спорь с отцом
И с матерью не спорь.

Увидишь сам окрест:
Не обогнав улитки,
Не смог стереть прогресс
Слезу с твоей улыбки.

1988

* * *

Смешок ли услышу, колючий и злой,
Увижу ли взгляд, ненавистный, презрительный,
Я адреса их подменяю собой
Все чаще и чаще и не относительней.

И чувствую, как прибывает душе
И строгая правда, и нежность щемящая —
Любить и любимым быть не вообще.
И правда как женщина смотрит кормящая.

С ней рощи березовой русская быль,
Колодезный звон уходящего вечера
И в стайку поставленный автомобиль
Вступить не стараются в противоречия.

1990

* * *

Вновь вешняя у мира внешность.
Слезу мгновения утру —
Мне продолжительная нежность
Все больше, больше по нутру.

Она проходит своенравно,
Не от числа и до числа,
Не скороспело и подавно:
Смотри-ка, роца подростка!

И молодости мимолетность
Для глаз и для души резка.
Все продолжительней влюбленность,
Как заповедная тоска.

Упрямо, набожно и смело
Надолго обживаю с ней
И домик с некрещенным телом,
И дом без окон, без дверей.

А жизнь, как электричка, мчится
(И ни какая-то ничья!)
По нежной жилке над ключицей,
На стыках сердца грохоча.

1990

ДЕВОЧКА В ВАЙМАРЕ

Поспешно бросив вещи в «Элефанте»,
И все стараясь вечер обогнать,
Мы бросились с тобой, как будто фантик
Тридцатилетней давности искать.

Приметы детства выросли не скоро:
Ты — девочка, а папа — командир...
Весы у почты, лавочка фарфора
И за вокзалом на углу — «Пломбир»...

И девочка сквозь слезы проступала
В тебе, как незаметных два крыла.
И нас с тобой она оберегала,
И незнакомой улицей вела,

Где мотоцикл на бреющем полете
По Ваймару уснувшему летал,
И воздух возле памятника Гете
И Шиллеру от ужаса дрожал.

1990

МАРТ

Напугал этот град подмосковное небо.
Черной тучей оскалился край,
Наподобие злого собачьего нёба,
Зарычал: не пугай! не пугай!

А береза без листьев к нему потянулась,
Ель дрожаще прижалась — к нему.
А ворона районная в нем потерялась,
И район стал не видим окну.

Но не долго под градом скрывало округу.
Возвратились береза и ель.
И пришел, улыбаясь, на смену испугу
Доброты обжигающий хмель.

Это длилось в течение сказанной фразы.
И, как будто из ближней Москвы,
Прилетел в Подмосковье, согласно указу,
Дорогой алкоголь синева.

1990

ПОПУГАЙ

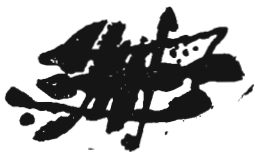
Метла гуляет по дворам,
И ветвь чирикает, скворчит.
А попугай мой по утрам:
«Хочу в Австралию!» — кричит.

Не отворяется Сезам
И перестройку тормозит...
А попугай мой по утрам:
«Хочу в Австралию!» — кричит.

Уже вернулся эмигрант
И поднят прессою на щит.
А попугай мой по утрам:
«Хочу в Австралию!» — кричит.

Спрошу у зеркала я сам,
Как в сказке: «Я ли не красив?»
А попугай мой по утрам
Кричит: «Вступай в кооператив!»

1990

* * *

Пиши, «ни дни без строчки»,
Рукою мучай гриву,
Но это будут очерки,
Написанные в рифму.

Противится подкорка!
У нас другое кредо:
Писать бы надо коротко
Или хотя бы редко.

И вот — ни дня, ни строчки...
И для семейной пользы
Я с бабушками в очереди
Торчу, устав от прозы.

1990

* * *

Опять в революцию нас засосало —
Окрашивать флаги и вены вскрывать?
Кому-то охота опять с пьедестала
Нас, будто волков, головнями пугать.

Своих ВПШа поокончив ликбезы,
На вечные льготы вписав имена,
Шевелятся по-Достоевскому бесы,
И домавзольной стала страна.

Почувствовав точно — корабль закачало,
Чтоб с нами морскую болезнь не делить,
Другая орава с него побежала —
Дождаться, вернуться и так победить?

А многоэтажные нары гостинок
На митинги прут из кухонных углов...
Россия, «разорванная воедино»
Гражданской войною великих умов.

Опять в революцию нас засосало —
Окрашивать флаги и вены вскрывать?
Мне воздух, линияющий от краснотала,
Об этом напомнил. Напомнил опять.

1990

* * *

Любимчики первых ролей
Трагедии, драмы и фарса —
Вот главные лица вождей,
А далес — общая масса.

А дальше — массовка, статист
Видны на газетном обрыве.
Но тот вон и тот, приглядись,—
Они не в едином порыве.

О чем они думали там,
Какая должна быть в них сила,
Чтоб время, скользя по вождам,
Свой фокус на них наводило?

И шапки над ними летят!
Но даже под лозунгом «Хлеба!»
Учиться они не хотят
Забрасывать шапками небо.

Те шапки достались и нам
На вырост и вместо мерила,
Чтоб время, скользя по вождам,
Свой фокус на нас наводило.

1990

ПОРТРЕТ

Туго затянутый галстуком грубости,
Настороженно и тупо, поверх,
Смотрит из зарослей собственной трусости
Вечно готовый напасть человек.

Непобедим он, желанием движимый
Увековечить себя поскорей, —
Взгляд его виден, надменно-обиженный,
Среди портретов людских галерей.

Детство — счастливое?.. Юность — лучистая?..
Не отразились в пространстве лица.
И не оставила сила нечистая
Черточки матери или отца.

1990

* * *

И Ленина — он не читал,
И Сталина — он не читал,
И не страдал от угрызений.
Он в лагерях осуществлял
Немыслимый лесоповал —
Для их собраний сочинений.

1990

* * *

Закончен день. Его усталость
Теплела на лице лучом.
О вечном думать оставалось
Или не думать ни о чем.

А ты спешила в сад за сыном.
И это стало, боже мой,
Твоим всегдашним дефицитом —
За ручку взять, вести домой.

А в сумерках сжималась нежность
Из-за желания любить.
Когда имеет вечность внешность,
Она должна такую быть!

А ты стоял. Но не молитвой,
В себя глазами погружен.
Ты в очереди за пол-литрой
Стоял с нечаянным дружкой.

А город, типовый и скучный,
Как головою, — кирпичом,
Железом, мусорною кучей —
Прилежно думал ни о чем.

1990 .

* * *

Кто может так, как он, увлекшись,
Приличиям и мненьям вспять,
И, на бильярдный стол улегшись,
Главу «Онегина» писать?!

Но с детства, в комнатных потемках,
Уединясь, я знал закон,
Что я подумать мог о чем-то,
О чем не думал даже он.

И было, как столпотворенье,—
Я, речью Пушкинской дыша,
Вдруг написал стихотворенье,
Как будто бы поел с ножа!

1990

ЖИЗНЬ

В полдник в садике давали
На двоих полпирожка,
Книжку новую читали,
Вовка сталкивал с горшка.

Бантик, платъице в горошек,
Два от Вовки синяка.
Быть так хочется хорошей,
Но не в зеркале пока.

Подрасти б еще немного,
Где-то на полкаблука,
И ходить с портфелем строго
Мимо Вовки ду-ра-ка!

1990

ВЕСЕННИЕ АЛЛЮЗИИ

Залатано небо с утра облаками,
Фуфайка рабочая снята с гвоздя,
Асфальт, просыхающий, половиками
Дорогу устлал в ожиданье вождя.

У снега последнего — цвет мешковины,
Он корками корчится, прячась в углах.
Вспотел от усердия лоб у плотины...
Сосульке смешно в водосточных губах!

Устроившись на пьедестале развалин,
Целуется пара, не прячась, взасос —
Врачи этим способом ей подсказали
Лечить молодежный авитаминоз!

К ажурной административной ограде
Нахально прижался дощатый забор.
Рванулся атлант, чтоб соседку погладить,—
С него неприлично свалился раствор.

И водопроводной траншеей поранен,
Не чуя уже под собою корней,
Весь день дебатировал сквера парламент,
Чтоб свой приговор узаконить скорей.

1990

* * *

В простейшей форме пирамид
Есть тайна Космоса святая,
Как там, где облачко висит,
Как там, где мысль твоя витает.

Нездешней мыслью поражен,
Заметь, как ток ее бушует
В тебе, как будто ты включен
В розетку Космоса большую.

Ты на мгновение одно
Соединил живое с вечным
И смотришь в Космоса окно,
Как в детстве, мальчиком беспечным.

И в мальчика течет печаль,
Отечественная, земная.
Ты сам теперь его скрижаль,
Подобно Космосу, седая.

1990

* * *

Облака последние крылами
Птицы по-хозяйски подмели.
Шевеля глубокими корнями,
Трудится дыхание земли.

Безразмерны дни. И, как спортсмены,
Догоня целый день траву,
Веток, зеленеющие вены,
Тянут, аж с присвистом, синеву.

Только дни не тянутся — несутся!
И пойдет сибирская колба
В дудку — не успеешь оглянуться,
Не успеешь пот стереть со лба.

И, раздев молоденьких попутчиц,
Летний день воздушным, наяву,
Поцелуем бабочек капустниц
Улетает с губ: «Июнь — ау!»

1990

* * *

На фоне небесной опушки,
Как видимый образ души,
Сияет лучина церквушки,
Расстаться с тобой не спешит.

Увидишь — и дышится легче.
Над судьбами, как над рекой,
Поставлены вечные свечи
«За здоровье», «За упокой».

Не нами, конечно, не нами...
Но кто запретить бы мне смог
«За здоровье» думать о маме
И слышать: «Спасибо, сынок!»

1990

* * *

На окраинах своего существа,
На заброшенных неудобницах жизни
Проживаем мы — на задворках родства
По молитве и по прекрасной Отчизне.
Отчего же молчит людская душа
И во благо не проповедует разум?
Наше слово засуесловила ржа
Или кто-то злой заразил его сглазом.
Только крови, оберегающий глас,
Так же чист — имеющий сердце, да слышит:
Есть родители, слава Богу, у нас —
Это нам основоположено свыше.
Пусть потрудится это в нас вещество
И скрижали наши от скверны отчистит,
Чтобы вспомнилось между нами родство
От молитвы и до прекрасной Отчизны.

1990

СОДЕРЖАНИЕ

Ропот	5
Осень	6
«Кому обман и несвобода...»	7
Квадратные шары	8
Наивная экология	9
«Ничего надежней в жизни...»	10
Провинциал, езжай в Москву!	11
Эстрадное	13
Случай на пьедестале	15
«Если увеличить дерево...»	16
Лицедей	17
Фантазия	18
Баллада об уходящем	20
«Кто же нам разменял незаметно...»	21
«Выращивал обиду, словно розу...»	22
Похороны	23
«Кто же поле под небо бросил?...»	24
Открытие	25
Хромые сравнения	26
«Космос...»	27
Строчка из Библии	28
«Птица в воздухе ночует...»	29
Видение в музее	30
Смута	31
История	32
Поступок	33
«Сухие грозы, мнимые дожди...»	34
Ангел-хоронитель	35
«Россия — не жена, не мать!...»	36
На прочтение «Истории Государства Российского»	37
Тот, кто был непогрешим	38
Рычаг	39
«От провинциальной тоски и безумий...»	40
Путь	41
Судьба	42
Лесное лето	43
Отец	45
Очки	46
Лунная ночь	47

Непротivление	48
Письмо	49
«Осьмушка осеннего неба...»	50
Нежность	51
Женских глаз проходящему свету	52
Баллада о весенней простуде	53
Воспоминание о научном коммунизме	55
Воспоминание о жареной картошке	56
«Ей кажется...»	57
Воспоминание о кинотеатре «Москва»	58
«Есть картины художников...»	60
«Всех мирит возраст мой нетрудно...»	61
Старик и мысль	62
Мост	63
Воспоминания об Элладе	
1. «Устало убегая от воды...»	64
2. «Юноши Афин пребывали в скуке...»	65
«В солнечном океане...»	66
Музей	67
«Как душу отвести в народных...»	68
«Друг мой родился во мне...»	69
«В глубоком зените колодца...»	70
«Лето учит издалика...»	71
«Есть у лесов старинные напевы...»	72
«Поэт...»	73
Чур	74
«Не спрашивай меня...»	75
«Смешок ли услышу...»	76
«Вновь вешняя у мира вписанность...»	77
Девочка в Ваймаре	78
Март	79
Попугай	80
«Пиши, «ни дня без строчки»...»	81
«Опять в революцию нас засосало...»	82
«Любимчики первых ролей...»	83
Портрет	84
«И Ленина — он не читал...»	85
«Закончен день...»	86
«Кто может так...»	87
Жизнь	88
Весенние аллюзии	89
«В простейшей форме пирамид...»	90
«Облака последние крылами...»	91
«На фоне небесной опушки...»	92
«На окраинах своего существа...»	93

0-85

Литературно-художественное
издание

Донбай Сергей Лаврентьевич

СМУТА

Стихи

Редактор В. Б. Соколов
Художник В. П. Кравчук
Художественный редактор
Н. В. Сидоркин
Технический редактор
Г. Н. Манохина
Корректоры Е. А. Царева,
В. А. Волкова

ИБ № 1583

Сдано в набор 08.08.90. Подписано к
печати 04.01.91. Формат 70X108¹/₃₂. Бу-
мага типографская № 1. Гарнитура
Манго. Печать высокая. Усл. печ. л.
4,2. Усл. кр. отт. 4,46. Уч.-изд. л.
2,45. Тираж 1000 экз. Заказ № 3413.
Цена 25 к.

Кемеровское книжное издательство.
Кемеровский полиграфкомбинат.
Адрес издательства и типографии:
650059, г. Кемерово, ул. Ноградская, 5.

25 к.

